

УДК 619.616-07

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛА А.А. ЖИРКЕВИЧА В СИМБИРСКЕ

Л. Хайбуллина, студентка 2 курса инженерного факультета

Научный руководитель: Н.Е. Гердт, кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Ульяновская государственная сельскохозяйственная академия
им. П.А. Столыпина»

Ключевые слова: дворянство, Симбирская губерния, А.В. Жиркевич

Работа посвящена характеристике личности А.В. Жиркевича и его деятельности в Симбирске в должности общественного попечителя госпиталей, тюрем и симбирского военно-гарнизонного кладбища.

«С вершин Симбирского Старого Венца, тёмными окнами, спутанными железными решётками, угрюмо, неприветливо смотрит на зеркальную Волгу, на широкие волжские дали, старое здание женской тюрьмы.

Судьба властной рукою втокнула в тёмные камеры множество женщин, девушек разного возраста, положения и развития; о них все, или лучше сказать, почти все, забыли...»

Так начиналась статья «Лучи света» в журнале «Симбирские епархиальные ведомости» за 1916 год, которая была посвящена освящению храма 30-го августа 1916 года в домово-й церкви при Симбирской женской центральной тюрьме. Одним из тех немногих, кто не забыл о заключённых, был генерал-майор А.В. Жиркевич, более 20 лет прослуживший в военно-судебном ведомстве, общественный деятель, участвовавший в архивных и археологических обществах, работавший в Красном и Белом (оказание помощи семьям военнослужащих, погибших в мирное время) Крестах, попечителя тюрем и гауптвахт. По окончании в 1888 году Петербургской военно-юридической академии он получил назначение в Вильну (ныне Вильнюс). Служил помощником военного прокурора, военным следователем и военным судьёй. В 1908 году, только что получив звание генерал-майора, он в знак протеста против введения военно-полевых судов и смертной казни для политических вышел в отставку. В 1915 году во время Первой мировой войны, спасаясь от наступающих немцев, он с семьёй вынужден был эвакуироваться в Симбирск, где очень скоро становится общественным попечителем 10-ти госпиталей, 3-х тюрем и военно-гарнизонного кладбища. После него остался «Симбирский дневник», охватывающий период с 1915 по 1922 года.

Известно, что Александр Владимирович Жиркевич был знаком со многими писателями и художниками, с некоторыми состоял в личной переписке, например, из 179 писем, написанных И.Е. Репиным, 96 адресовано Жиркевичу. Хотелось бы, не повторяясь, сказать о нём нечто, что позволило бы увидеть ещё одну сторону его деятельности и его жизни.

Ещё не так давно было не принято писать о религии и религиозности того или иного человека. Но многие поступки людей объяснялись и объясняются тем, как и насколько чувствует человек Бога в своей душе. В полной мере это относится и к А.В. Жиркевичу.

Его авторству принадлежат книги «Пасынки военной службы» и «Гауптвахты в России должны быть немедленно преобразованы». В них он предлагал ввести:

- 1) библиотеки...с книгами не только духовно-нравственного содержания, но и общего содержания;
- 2) бани и прачечные, дезинфекционные камеры;
- 3) занятия с узниками грамотой и письмом;
- 4) физические упражнения (а если возможно, и физический производительный труд);
- 5) прогулки на свежем воздухе;

- 6) упорядочение вопроса о медицинской помощи;
- 7) посещение заключённых духовенством не только в целях казённого исполнения церковных треб, но и для собеседования с ними, для вникания в их духовные и материальные нужды.

С горечью он констатировал, что ничего этого не было сделано, что он не учёл того, «что личности в России сменяют друг друга, а традиции остаются и живут».

По должности директора Симбирского губернского попечительного комитета о тюрьмах он, посетив женскую тюрьму, ужаснулся, «загорелся негодованием, сразу увидел, что нужно сделать, и безотлагательно принялся за работу». Чем жила тюрьма до него? «Тут жизнь шла от поверки до поверки, от звонка до звонка... Сбитые в одну кучу, женщины заполняли обыкновенно свободное время праздною болтовнёю, грубыми тюремными развлечениями и ссорами. Проходящие мимо часто слышали внутри здания нестройный гул голосов, из которого порою отчётливо выделялся обрывок песни, бранное слово, а иногда и детский плач: в темнице, вместе с матерями, томились и их ни в чём не повинные дети... И всем, жившим вне тюрьмы, свободным людям, знакомым с бытом тюрьмы лишь понаслышке, казалось, что всё так и должно быть, что тяжкие, закоренелые, омрачившие совесть свою преступлениями, арестантки и недостойны иной жизни... А дети их? О детях многие и не подозревали», – писали «Симбирские епархиальные ведомости».

То, что не удалось генералу осуществить в одном месте, он пытается сделать в другом. Одним из первых шагов его деятельности была попытка заполнить время узниц по возможности разумно и продуктивно. Для этого он сам начал чтения для них на религиозные темы, а затем ввёл в тюрьму монахинь, которые помимо чтений стали учить узниц пению молитв. Первые же опыты показали, насколько нуждались в этом заключённые.

По инициативе Жиркевича был приглашён священник П.П. Цветков. «Симбирская публика, гулявшая на Старом Венце, к изумлению своему, стала свидетельницей небывалых до того времени событий в жизни тюрьмы: в тюремные ворота часто, в разное время дня, входили генерал, священник, дьякон, монахини, а из окон тюрьмы стали доноситься не плач, брань и дикие вопли, а звуки церковных песнопений», – продолжает автор статьи в «Симбирских епархиальных ведомостях». А генерал записал в своём дневнике: «Захожу в женскую тюрьму и слышу, как арестантки вместо сквернословий, которыми ранее сопровождалась их работы по мытью, глаженью белья, вполголоса поют хором молитвы... Ходил около здания тюрьмы и соображал, как бы пристроить недорого, удобно алтарь и часовню. Думал я и о том, где бы найти жертвователя на эту будущую церковку».

Жиркевич обратил внимание и на другие стороны быта женской тюрьмы. В короткий промежуток времени и при его непосредственном участии была учреждена в одной из тюремных камер небольшая, всего на пять коек, больница, куда выделили чахоточных и других заразных больных, которые раньше помещались в общих камерах со здоровыми.

«У дверей тюрьмы появился, по его же настояниям, ларь для подаяний..., в который стали сейчас же опускаться булки, баранки и другие припасы для больных и детей темницы, приносимые добрыми обывателями Симбирска», – так продолжалась статья в журнале. На самом деле всё было не так просто. Сверившись с дневником Жиркевича, находим запись: «В женской тюрьме я нашёл-таки ларь для подаяний, года три тому назад выброшенный. С трудом мне удалось заставить поместить ларь на видном месте. И уж начали класть в него подаяния».

На средства генерала и его жены был заказан колокол с надписью, свидетельствующей о том, что он предназначался для будущей тюремной церкви. На Рождество Жиркевич со своей семьёй устраивает для детей арестанток ёлку с подарками в виде материй на платье, тёплых вещей, валенок и прочего. В своём дневнике он отмечает ещё одно осуществлённое

своё желание: «Мне давно хотелось сделать за город прогулку с несчастными детьми несчастных узниц местной женской тюрьмы и тем показать начальству тюрьмы пример. А то бедные детки толкутся на вонючем дворе тюрьмы или бегают на площадке Старого Венца, под надзором часового у ворот и матерей, глядящих из окон. Какая же это прогулка! И весна проходила у них без пения птиц, без цветущих деревьев... Вчера я сделал первый опыт... Конечно, дети были рады свободе, пряникам... Детки первый раз слушали соловья, кукушку, набрали для матерей цветов, шалили, играли. А я радовался, довёл их до ворот тюрьмы. Калитка открылась и поглотила их». Он добивается от властей разрешения устроить для заключённых особую раннюю обедню, которая была совершена в Ильинском храме Симбирска (ныне разрушен). Но зрелище шедших по улицам Симбирска к Святому Причастию под конвоем женщин с их детьми было тяжёлым, и он возвращается к мысли устроить домовую церковь при тюрьме. Приходится опять добиваться разрешения властей отвести для этого комнаты, до того служившие карцером.

По почину Жиркевича при тюрьме создаётся библиотека. Озабоченный судьбой детей, особенно подростков, заброшенных вместе с матерями в нездоровую обстановку тюрьмы, он задумывает устроить для них особый вне стен тюрьмы приют, в основу деятельности которого были бы положены «труд, нравственность, религия и порядок». Им был выработан и отправлен в Петроград в Главное Тюремное Управление устав особого Попечительства, которое должно было бы ведать этим приютом. Дождался ли он ответа и было ли проведено в жизнь новое начинание – неизвестно.

«Сидел я среди развалившихся солдатских могил... вдумывался в моё положение попечителя кладбища. Кладбище у огромного гарнизона одно, и для всех оно совершенно чужое, неинтересное... Сегодня, после нескольких месяцев возни и осложнений, мною подвешен на военном братском кладбище колокол в 10 пудов... На колоколе изображены Георгий Победоносец и надпись, мною же сочинённая, такого содержания: “Этот колокол отлит в ноябре 1916 года на деньги, пожертвованные чинами Симбирского гарнизона, в вечную молитвенную память о воинах, которые, будучи присланы в Симбирские госпитали из действующих армий, скончались в них от ран и болезней, полученных при исполнении служебного долга в войне с Германией, Австрией, Турцией, за Веру и Родину, и погребены на гарнизонном кладбище, да вещает он потомкам о подвигах доблести здесь, в Бозе почивших”».

Был ли он вознаграждён за это? Разумеется. Когда в освящённой тюремной церкви совершалось первое крещение ребенка одной из заключённых, восприемником младенца попросили стать генерала Жиркевича, восприемницей стала дочь священника Цветкова.

«Сегодня на Гончаровской улице ко мне подошло несколько солдат, в которых я узнал бывших арестантов местных тюрем. Подошли они ко мне с улыбками, как к равному, и такое отношение их ко мне меня крайне обрадовало. Один из них объявил, что все они приняты на военную службу и чувствуют себя отлично на свободе. Он же мне сказал, что, увидев меня, заявил товарищам: “А вот **наш** генерал. Пойдём к нему.” Ничего они у меня не просили, а спешили выразить радость по поводу встречи со мною... Один из них сказал, что, пока жив, не забудет, как я добился того, что его расковали».

Известно, что, уезжая обратно в Вильну, А.В. Жиркевич решил оставить Симбирску свою огромную коллекцию живописи, графики, старопечатных книг, предметов историко-литературного значения, благодаря которой фонды Симбирского музея сразу увеличились вдвое.

Библиографический список:

1. Блохинцев А.И. ...И жизни след оставили своей [Текст]. / А.И. Блохинцев. – Ульяновск, Приволжское книжное издательство, 1980. – 165 с.

2. «Лучи света» [Текст]. // Симбирские епархиальные ведомости. – 1916. – № 20. – с. 535.

3. Жиркевич А.В. Потревоженные тени... Симбирский дневник [Текст]. / А.В. Жиркевич. – М.: «Этерна-принт», 2007. – 640 с.

THE ACTIVITIES OF THE GENERAL A.A. GIRKEVICH IN SIMBIRSK

L. Khaibullina

Key words: nobility, Simbirsk province, A.V. Girkevich

The work is devoted to the characteristic of the personality A.V. Жиркевича and its activities in Simbirsk in the position of a public Trustee hospitals, prisons and the Simbirsk military garrison cemetery.

УДК 902

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

И. Чумакин, студент 3 курса инженерного факультета.

Научный руководитель: О.Р. Хасянов, кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Ульяновская ГСХА им. П.А. Столыпина»

Ключевые слова: дворянство, сословие, идентичность, кризис.

В статье рассматривается проблема кризиса идентичности дворянского сословия в начале XX века. Данный кризис был вызван революционными потрясениями и не готовностью представителей сословия к политической модернизации существующего режима.

В дореволюционной России политические, культурные и социальные высоты принадлежали представителям дворянского сословия. Именно дворянство было носителем идей гражданственности, бескорыстного служения государству и обществу. Дворянство рекрутировало в свои ряды лучших представителей иных сословий, тем самым являлось культурным и политическим генофондом страны. Революции 1917 года изменили положение сословия, оно было вытеснено из общественно-экономической жизни страны насильственными методами.

В течение десятилетий господства марксистской идеологии в отечественной историографии история дворянства оценивалось негативно и однобоко. Советская историография сформировала в массовом сознании образ дворянства как реакционной группы существующей за счет эксплуатации других и «использующий государственный режим для отстаивания своих земельных и политических интересов» [1; 41]. Но исследования последних лет, осуществленные после распада СССР, открывают перед исследователями новые направления, объективное рассмотрение которых ранее было не возможно. Российское дворянство реагировало на жесткие, порой трагические вызовы современности, революционные потрясения, старалось быть полезным стране и народу.

В рамках научного проекта, целью которого является исследование идентичности дворянского сословия в рамках регионального измерения в один из переломных и наиболее трагических периодов отечественной истории была поставлена задача анализа кризиса ценностных установок первенствующего сословия в начале XX века.

Трансформация идентичности представителей дворянского сословия нами исследована на основе деятельности дворянских губернских и уездных обществ Самарской и Симбирской губерний.